

Поэтика пространства в лирике Булата Окуджавы (Топос Москвы)

Knežević, Sonja

Master's thesis / Diplomski rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:325954>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-08-20**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti

Diplomski rad
Поэтика пространства в лирике Булата Окуджавы
(Топос Москвы)

Studentica: Sonja Knežević
Mentor: dr. sc. Josip Užarević, red. prof.
Akademska godina: 2017./2018.

Zagreb, studeni 2017.

University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences
The Department of East Slavic Languages and Literatures
Russian Language and Literature

Thesis
Poetic of Space in the Poetry of Bulat Okudzhava
(Topos of Moscow)

Student: Sonja Knežević
Mentor: Ph. D. Josip Užarević, Prof.
Akademska godina: 2017./2018.

Zagreb, studeni 2017.

Sadržaj

1. Введение	4
2. Булат Окуджава и его поэтический мир	5
3. Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы и других авторов	6
4. Топос Москвы в лирике Б. Ш. Окуджавы	7
4.1. Москва как исторический город	7
4.2. Москва как город настоящего времени	11
4.3. Москва – столица.....	15
5. Главные мотивы в московском тексте.....	20
5.1. Мотив дома.....	20
5.2. Мотив движения.....	20
5.3. Мотив дороги.....	21
6. Сердце Москвы - Арбат.....	25
6.1. Арбат в политическом и культурном контексте периода оттепели.....	25
6.2. Арбат как духовный образ.....	27
6.3. Арбат как малая родина.....	28
6.4. Семантическая структура понятия Арбат	30
6.5. Эстетическая природа авторской песни и концепт Арбата	31
7. Заключение	34
8. Список литературы	35
Sažetak	37
Ključne riječi	38
Biografija	38

1. Введение

Данная дипломная работа посвящена исследованию поэтики пространства (точнее, поэтики города) в лирике известного российского поэта 20 века Булата Шалвовича Окуджавы. Говоря о поэтике пространства в его лирике, мы высказали мысль о том, что московская тема стала семантическим и духовным центром его лирики. Москва, её улицы, люди, любимый Арбат - всё это истоки духовности, близких дружеских отношения, положительных эмоции, человечности, а также и кодекса чести, который поэт сохранит на всю жизнь.

Именно Арбат является сердцем Москвы, своеобразным городом в городе. Как мы знаем, он представляет собой одну из самых популярных и значительных московских улиц, но в творчестве Окуджавы он является, прежде всего, духовным образом. Наш тезис заключается в том, что поэтика пространства у Окуджавы узко связана с его переживанием прошлого, так что своеобразным первоисточником Москвы и Арбата в его поэзии является память. При этом надо подчеркнуть, что понятие памяти не относится только к личной памяти поэта, но и к её культурно-исторической составляющей, т.е. в творчестве Окуджавы смешиваются личная память и культурно-историческая память. Это значит, что и сам Арбат – сложное понятие, несводимое к своему значению места жительства / улицы: Арбат представляет собой «малую родину» Окуджавы. В этом символе соединяется всё автору близкое и ценное.

В настоящей работе нас интересуют стихи, в которых отражается поэтика пространства, т.е. где описывается Москва, её старые улицы и дворы, знаменитый Арбат. В контрасте с тем, мы анализируем и как изображен «чужой мир», т.е. пространство дороги и с ней связанные мотивы разлуки, войны и судьбы. Проведен анализ, который позволил говорить о том, что тоpos Москвы – семантическое и духовное ядро лирики поэта, ключ к пониманию творчества Окуджавы в целом.

2. Булат Окуджава и его поэтический мир

Всем читателям и любителям поэзии известно имя Булата Окуджавы. Он основоположник особого своеобразного социокультурного явления 1950-90-х годов – авторской песни, но одновременно он внёс свой вклад в развитие отечественной лирической поэзии и литературы второй половины XX столетия. Его часто называют поэтом периода «оттепели», который относится к шестидесятым годам 20 века. В этот период наблюдается необыкновенный расцвет культуры и возрастает интерес к поэзии. Тогда появляются «поющие поэты», чье творчество и особый способ исполнения стихов сразу же привлекает внимание слушателя и читателя. Среди множества ярких имен этой эпохи (Н. Матвеева, А. Галич, В. Высоцкий, позднее В. Долина и др.) Булат Шалвович Окуджава выделяется удивительным умением «негромко разговаривать со своим собеседником». Творческая деятельность Окуджавы многообразна, но наибольшую известность ему уже на раннем этапе принесли, как он сам их называл, «скромные городские песенки» (Коровина 2015).

Булат Шалвович Окуджава (1924-1997) родился в Москве. Детство его прошло на Арбате, в тех самых дворах и переулках, память о которых стала его поэтической памятью, и о которых он писал в своих «городских песенках». Эти песни носят не только светлые воспоминания, но и черты сложной, трагической эпохи, потому что в 1937 г. расстрелян его отец, мать была отправлена в лагерь, а мальчик остался с бабушкой. Поэтому пишет Коровина: «Судьба и творчество Б. Ш. Окуджавы связаны с советской культурой, он отразил ее лучшие и драматические черты, стал зеркальным отражением эпохи, её совестью» (там же, 2015).

Главная тема этих городских песен – Москва. Именно эта тема стала семантическим и духовным центром его лирики. Москва, её улицы, люди, любимый Арбат давали ему силы всегда оставаться самим собой, потому что там царствуют взаимопонимание и теплые дружеские отношения. Из-за этого там истоки его высокой духовности, интеллигентности и светлой доброты.

3. Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы и других авторов

Портреты городов – жанровое образование, которое появилось еще в эпоху Серебряного века в стихах и циклах В. Брюсова, А. Блока, М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштама и др., а такие портреты стали важным явлением в поэзии последующего времени (Ничипоров 2002). Эти городские топосы (от Тбилиси, Москвы, до Иерусалима, Парижа, Варшавы и т. д.) принадлежат разным странам, и по разному реализуются в произведениях вышеупомянутых авторов. Это значит, что они различаются по жанру, социальному и историческому доступу, но и по стилю. В лирике Окуджавы особенно часто являются в песнях конца 1950 - середины 1960-х годов, а сам Окуджава в одном из своих интервью объяснил их происхождение и образцы: «На меня, между прочим, повлиял Ив Монтан, который пел о Париже, и песни были очень теплые, очень личные. Мне захотелось и о Москве написать что-то похожее... Первая московская песня *На Тверском бульваре* появилась в 1956 году. Появилась сразу как песня – и стихи, и мелодия. Помню, как осенью мы стояли поздно вечером с приятелями у метро *Краснопресненская*, и я им напел... А потом довольно быстро сложился целый цикл песен о Москве: *Лёнька Королев*, *Полночный троллейбус*, *Московский муравей*, *Часовые любви*, *Арбат беру с собой* – все в 1957 году» (Окуджава в: Ничипоров 2002).

Топос Москвы описывается в стихах Б. Окуджавы с помощью множества сюжетов и персонажей и он, как пишет Бутаева, «выступает как органическое единство рукотворного и природного, торжественного и обыденного» (Бутаева 2011: 152). У столицы своя уникальная душа, которая отражает жизнь и характер москвичей, в том числе и самого автора. Москва в стихах Окуджавы – сложное понятие, т.е. модель целостности мира и место душевных переживаний лирического героя и его ближайших. Именно Москва является центром и источником личной и исторической памяти, которые в романтических стихах Окуджавы нежно переплетаются. Исходя из этого, в следующих главах мы рассмотрим поэтические изображения Москвы в различных песнях Окуджавы как художественное, смысловое и жанровое целое, и проведём лингвистический анализ.

4. Топос Москвы в лирике Б. Ш. Окуджавы

Топос Москвы присутствует в песнях большинства бардов, но в творчестве Окуджавы он занимает центральное место. В.Ю. Прокофьева в статье *Концепт «Москва»* в поэзии Серебряного века выделяет следующие семантические варианты топоса Москвы, которые можно встретить и в поэзии советских бардов, в частности Б. Ш. Окуджавы: Москва – столица, «сердце» и центр всей страны; Москва – антитеза Петербургу; Москва как город; Москва как исторический город; Москва как звучащее пространство; Москва как собеседник; Москва – «женственный» город (Прокофьева в: Бутаева 2010).

В песнях Б. Окуджавы топос Москвы реализуется, в основном, в трех областях: Москва – столица, Москва как исторический город, Москва как город настоящего времени (Бутаева 2010). Каждую из тех областей мы проанализируем в следующих главах, но их тяжело разделить, потому что они переплетаются в памяти и поэтическом творчестве Окуджавы.

4.1. Москва как исторический город

Когда говорим о Москве как об историческом городе, прежде всего надо подчеркнуть, что Москва описывается как романтический город, где смешивается прошлое и настоящее, а в некоторых песнях даже реальное и нереальное, как, например, в песне *Былое нельзя воротить*, где лирический герой на улице встретился с Пушкиным, гуляющим по Арбату:

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.

И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот

извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...

Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет¹.

¹ Все стихи Окуджавы в данной дипломной работе берутся из сборника *Арбатский дворик*, который издан в 2007 г. при участии Государственного музея и Фонда Булата Окуджавы.

(1964)

Историческая личность, Пушкин, одухотворена из-за ностальгии по прошлому. Хотя исторический герой понимает, что «былое нельзя воротить», ему «всё-таки жаль», что время изменилось и что некоторых знаменитых людей больше нет. В той же самой песне можно заметить и критику современного отношения к прошлому, т.е. к славной истории Москвы, как показывают следующие стихи:

А всё-таки жаль - иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Из-за особого чувства уважения и гордости из-за всего, что через столетия пережила Москва и её жители, лирический герой обращается прямо к Москве следующими словами:

Москва, ты не веришь слезам - это время проверило.
Железное мужество, сила и стойкость во всем...
Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

1

Кроме Арбата, в песнях можно найти и многие другие топосы старинных московских улиц и площадей, как, например, Смоленская, Петровка, Волхонка, Неглинная, Тверская, Сивцев Вражек, Ильинка, Охотный ряд и другие. Их нельзя понять только как географические понятия, потому что у них намного глубже значение, связанное с людьми, которые по этим улицам гуляют, любят и переживают. Окуджава описал эти топосы романтически, связал их людьми и таким образом вызвал собственные воспоминания у читателя, как, например, в следующих стихах в песне *Часовые любви*:

Часовые любви на Смоленской стоят.

Часовые любви у Никитских не спят

Часовые любви по Петровке идут неизменно...

(1958)

Таким образом, Окуджава всем этим местам дал определённую теплоту и душевность. Как пишет Зайцев, эти топосы Москвы «не только воспроизводят складывавшуюся веками территорию, географическое пространство древней столицы, но и передают ее духовную атмосферу, внутренний мир её жителя, ощутившего себя неотъемлемой частицей и живой, действенной силой многовековой истории страны и народа» (Зайцев 2017). Хороший пример такой связанности топоса Москвы и внутреннего мира её жителей мы находим в следующей песне:

Гомон площади Петровской,
Знаменка, Коровий вал --
драгоценные обноски...
Кто их с детства не знал?

Кто Пречистенки не холил,
Божедомки не любил,
по Варварке слез не пролил,
Якиманку позабыл?

Сколько лет без меры длился
этот славный карнавал!
На Покровке я молился,
на Мясницкой горевал.

А Тверская, а Тверская,
сея праздник и тоску,
от себя не отпуская,
проводила сквозь Москву.

(О. В. Волкову, 1985)

В этой песне Окуджава перечисляет знаменитые, исторические места в Москве и возбуждает давно забытые воспоминания читателей, упоминая детство и задавая

риторические вопросы. Все эти места «сеяли праздник и тоску» в течение детства, юности и взрослой жизни читателей и этим образом навсегда остались в их памяти. Именно это подчеркивают следующие строфы той же самой песни:

Не выходят из сознания
(хоть иные времена)
эти древние названья,
словно дедов имена.

И живет в душе, не тая,
пусть нелепа, да своя,
эта звонкая, святая,
поредевшая семья.

И в мечте о невозможном
словно вижу наяву,
что и сам я не в Безбожном,
а в Божественном живу.

Анализируя эти стихи можно заметить, что все эти топосы Москвы Окуджава называет «семей». С этим мотивом связывается атрибут святая, к которому в следующей строфе добавляется атрибут из того же самого семантического круга - божественный. Это можно объяснить тем, что Москва для Окуджавы соединяет самые важные ценности и идеалы, и поэтому в некоторых его песнях о Москве появляются религиозные мотивы, а сам Арбат Окуджава называет «своей религией».

Смешение реального, т.е. сегодняшнего времени и исторического времени вызывает в сознании читателя необычное движение его мыслей и переживаний. Такой мир в песнях кажется более истинным, полным, живым, чем у тех поэтов, которые подробно описывают тяжелую действительность. Именно из-за этого Москва Булата Окуджавы гордая, уникальна, символична, и она в себе соединяет две концепции, которые являются противоположными - прошлое и настоящее. Так Москва в его песнях является не только историческим городом, но одновременно и городом настоящего времени.

4.2. Москва как город настоящего времени

Когда говорим об изображении Москвы как города настоящего времени, надо начать с её важнейшей части, т.е. с людей. Жители Москвы – особые люди, дорогие поэту, но одновременно они знакомы и близки читателю. Кажется, что персонажи Окуджавы – обычные люди, которых можно встретить каждый день на улице или они даже живут рядом с нами. Кажется, что они могли бы быть нашими друзьями, соседями, родственниками, потому что они очень похожи на нас самих. Этому способствует употребление уменьшительных формы имён, как например: Лёнька, Наденька, Оля и другие. Такой пример можно найти в песне *Король*, которая тоже известна под названием *Песенка о Лёньке Королёве*:

Во дворе, где каждый вечер все играла радиола,
Где пары танцевали, пыля,
Все ребята уважали очень Лёньку Королёва,
И присвоили ему званье Короля.

(1957)

Эти стихи описывают и особую духовную атмосферу, которая существует между жителями. Музыка играет, взрослые танцуют, а дети играют на дворе – всё это «пахнет» интимным, домашним, потому что между жителями царствуют теплые, дружеские отношения. Именно из-за этого стихам присуща интонация беседы, дружеского общения и они адресованы не обществу, а каждому, хорошо знакомому и дорогому. Это подтверждает и выбор слов, которыми поэт обращается к читателю в своих песнях: «мой дорогой», «а мы с тобой» и т. п. Таким образом Окуджава создает свой поэтический мир, где обычное, ежедневное соединяется с высоким, торжественным, и поэтому в этом мире «царствуют законы Добра и Красоты» (Коровина 2015).

Надо подчеркнуть, что персонажи в песнях Окуджавы не только люди, а иногда совсем необыкновенные герои, как, например, московский муравей, почтальон, грустные комиссары, черный кот, бумажный солдатик, арбатские ребята и другие (тем же). Один из персонажей, который «плывет» по улицам Москвы, – знаменитый «синий

троллейбус». Он в песнях Окуджавы описывается как спасение, как помощь, надежда для попавших в беду, как в стихах песни *Полночный троллейбус*:

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

(1957)

Эти персонажи являются объектом поэтического творчества Окуджавы, но надо анализировать, как в его песнях воплощается лирический герой, который, согласно Лидии Гинзбург, является не только субъектом, но и объектом произведения (Гинзбург 1974). Он «своего рода художественный двойник автора-поэта, выступающий из текста обширных лирических композиций (цикл, книга стихов, лирическая поэма, вся совокупность лирики) в качестве лица, наделённого жизненной определённой личностью, психологической отчётливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластической определённости (облик, 'повадка', 'осанка')» (Роднянская 1981: 259). Таким образом, лирический герой Окуджавы часто воплощен в образе художника. Он иногда музыкант, поэт, а иногда даже живописец, как, например, в песне *Живописцы*:

Живописцы, окуните ваши кисти
в суету дворов арбатских и в зарю,
чтобы были ваши кисти словно листья.
Словно листья,
словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по Тверской.

(1959)

Лирический герой здесь живописец, который характеризуется светлым, оптимистичным взглядом на мир. Он и сам является частью того, что рисует, частью природы и поэтому его «кисти словно листья». Он рисует с любовью, превращая таким образом мир вокруг себя в лучшее место доброты и человечности.

Этот лирический герой в некоторых песнях-стихотворениях появляется в образе птиц и кузнечика, барабанщика, вечного странника. Для поэта характерен прием антропоморфизации – он разным существам придаёт человеческие свойства, обеспечивая им "главную роль" в своих песнях, и поэтому его герои иногда напоминают героев басен. Это кузнечик-поэт, ворон-пророк и т.д. (Бунтаева 2011). Хорошим примером является следующая песня/стихотворение:

Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик,
едва твой гимн пространство огласит?
Прислушаться - он от скорби излечит,
а вслушаться - из мертвых воскресит...

Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор,
таинственный, возвышенный и страстный
твоих зеленых братьев и сестер?

(1986)

Поэт-кузнечик поёт гимн, который «от скорби излечит» и «из мертвых воскресит». Кузнечик поёт, но он не один - его песня привлекает хор - «таинственный, возвышенный и страстный». Этот хор можно понять как публику Окуджавы, потому что поэт хотел бы, чтобы его песни так действовали на душу слушателя/читателя и улучшали их настроение и душевное состояние. Как и во многих его песнях, Окуджава употребляет риторический вопрос, чтобы его стихи стали более выразительным и эмоционально окрашенным.

В другой песне-стихотворении, лирический герой изображён как ворон-пророк, который предсказывает предстоящую войну:

Если ворон в вышине,
Дело, стало быть, к войне!
Если дать ему кружить,
Если дать ему кружить,
Значит, всем на фронт иттить.

Чтобы не было войны,
Надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
Чтобы ворона убить,
Надо ружья зарядить.

(А. Жигулину, 1984)

Люди ужасно боятся возможности, что скоро начнётся война, и поэтому хотят убить жертву, т.е. ворона, который символизирует поэта, как будто они могли бы таким образом препятствовать осуществлению своих страхов. В этой песне-стихотворении поэт использует стилистический приём повтора целого стиха. Он, таким образом, придаёт стиху особый рифм и выразительность, подчеркивая лейтмотив ворона и смысл стихотворения.

Можно заключить, что «Б. Окуджава совмещает в своем лице поэта, композитора, музыканта, певца, исполнителя, артиста» (там же, 2011).

Говоря о лирическом герое в стихах Окуджавы, интересно анализировать, как в его глазах строится образ женщины. «На женщине – прекраснейшей из женщин – старенькие туфельки, пальтишко, у неё обветренные руки, губы. Такую женщину поэт называет: «Ваше Величество Женщина»» (Коровина 2015). Какое впечатление на него произвела женщина Нева Петровна, Окуджава описал в одном стихотворении без названия:

Бывало, вы идете на проспект,
не вслушиваясь в титулы и званья,
а мраморные львы - рысцой за вами
и ваших глаз запоминают свет.

(1957)

В этих стихах можно заметить, что Окуджава образ женщины романтизирует, он её обожает и поклоняется перед ней. Во многих стихотворениях Окуджава прямо обращается к женщине, а такое обращение наполнено нежным чувством и глубоким уважением к ней, что можно заметить в выборе местоимения «Вы» в песне из 1960-ого года:

Тьмою здесь все занавешено
и тишина, как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели - ко мне?

Как пишут Козлова и Лисова, Окуджава для определения женщины «использует целый ряд эпитетов: нежная, красивая, прекрасная, задумчивая», и таким образом женщина становится существом возвышенным, прекрасным, совершенным (Козлова и Лисова 2015: 55). Женщины Булата Окуджавы носят разные имена, но для поэта «характерно соединение в образе женщины планов быта и бытия, земного и небесного, телесного (но не эротического) и духовного» (там же, 2015: 57). Она даёт надежду, утешение и любовь и таким образом спасает душу лирического героя.

4.3. Москва – столица

Город в лирике Окуджавы одухотворен, как будто в нем собственный характер и эмоции, что подтверждает сам поэт: «Он такой похожий на меня, то грустен он, то весел он, но он всегда высок...» (Окуджава в: Коровина 2015). Москва – действительно столица России, «сердце» и центр всей страны, но понимание города существенно меняется, как меняется и понимание слова «двор». От слова «двор» Окуджава образует существительное «дворянин», которое обозначает принадлежность московскому арбатскому дворику, где люди добрые, искренние, готовы помочь, и где существует свой кодекс чести. Снова играя со словом «двор», Окуджава придумал еще одно абстрактное существительное «арбатство», которое напоминает слово «братство» и таким образом отражает суть их стихов, но и суть самой жизни, а это - любовь к другому человеку. И сам поэт утвердил, что «арбатство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа» (там же, 2015). Из-за этого мы могли бы сказать, что

Арбат «сердце самого сердца», т.е. самое важное место, источник доброты и положительных эмоций российской столицы. Он прежде всего является «качеством души», а не только местом проживания (Коровина 2015), о чем говорят и следующие стихи из песни-стихотворения *Песенка о московских ополченцах*:

Над нашими домами разносится набат,
и затемненье улицы одело.
Ты научи любви, Арбат,
а дальше - дальше наше дело.

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встаёт перед глазами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

(1975)

В этих стихах, как и во многих других его стихотворениях, Окуджава обращается прямо к Арбату и Москве и поэтому такие песни-стихотворения можно определить как романсы. «Романс предполагает негромкий разговор со слушателем, любителем музыки и поэзии, часто дилетантом, ведь исполнять романсы очень любили непрофессионалы» (там же, 2015). Дилетант для Булата Шалвовича Окуджавы – понятие, которое часто появляется в его произведениях, например, в названии его большого романа *Путешествие дилетантов*. Оно обозначает «увлечённость, душевную тонкость, отсутствие каких-либо эффектов, стремления к известности» (там же) и поэтому оно очень нравится поэту и широко им используется. В поздние годы такие романсы приобретают новую тему и другие настроения, станут романсом-плачем. Это значит, что романсы об Арбате и Москве раньше у читателей/слушателей побуждали позитивные эмоции, воспоминания и фантазии, но в новых песнях-стихотворениях доминируют чувства грусти, потери и ностальгии. А именно: в Москве начинается реконструкция, и поэтому в творчестве поэта появляется мотив эмиграции, связанный с темой Москвы. Сам поэт выселен с «арбатского двора» и он по нему очень тоскует:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант,
В Безбожном переулке хиреет мой талант,
Кругом чужие лица, враждебные места,
Хоть сауна напротив, да фауна не та.

(Плач по Арбату, 1982)

Поэт самого себе называет «арбатский эмигрант», а заметна и ирония в употреблении слова «фауна», которое обозначает людей, которые способны приспосабливаться ко всем обстоятельствам и временам. Окуджава выбором слов выражает своё отношение к захватчикам своих любимых арбатских дворов и называет их «чужеземцами» и «оккупантами». Его судьба как художника, поэта связана с судьбами тех людей, которые потеряли драгоценную среду, дружеские отношения и взаимопонимание.

Я выселен с Арбата и прошлого лишен,
И лик мой чужеземцам не страшен, а смешон.
Я выдворен, затерян среди чужих судеб,
И горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб.

Эмиграция для поэта значит потерю двора, а двор – это семья, друзья, соседи, родственники, и поэтому у «оккупантов» в том же самом стихотворении «речи несердечны и холодны пиры», «хозяйская походка, надменные уста». Эти слова ясно показывают, насколько эти миры различны, т.е. противоположны.

Не только в своих стихах поэт описывал эту горькую реальность. «Возможно, я пристрастен, но мне кажется, что от живого старого Арбата, с которым связано столько дорогого и памятного в Москве, в жизни арбатских соотечественников и в моей осталась лишь пестрая декорация. Поселиться здесь я бы не хотел. Да и можно ли жить среди театральных фасадов?»² Из его слова ясно, что на Арбате произошли большие перемены, но в песне-стихотворении *Что ж вы дремлете, ребята?* Окуджава даже утверждает, что Арбата, который он знает и любит, «больше нет»:

² Часть интервью, загружена из сайта, посвященного жизни и творчеству Булата Окуджавы:
<http://www.bokudjava.ru/index.html>

Что ж вы дремлете, ребята?
Больше нет у нас Арбата!
А какая улица была...
Разрушители гурьбою
делят лавры меж собою...
Вот какие в городе дела.

(1988)

Из-за чувства потери, грусти и ностальгии поэт не обращается больше к Москве, т.е. она перестала быть его собеседником. Он начал писать о ней в третьем лице, что означает потерю близости:

Мечтали зло унять и новый мир построить,
построить новый мир, иную жизнь начать.
Всё меньше мест в Москве,
где есть о чем поспорить,
всё больше мест в Москве,
где есть о чем молчать.

Куда-то всё спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...

(1979)

В приведённых стихах очень интересно анализировать, как с течением времени изменился образ Москвы: она из символа сердца страны стала «надменной столицей». Новое значение понятия «столица» лишено теплоты, простоты и душевности, т.е. у слушателя/читателя возникает ощущение, что Москва перестала быть родным городом поэта.

Хотя «новое время» изменило людей и все поэту дорогое и ценное, он, несмотря на это, пытается найти что-то положительное в новом поколении. Для него это,

например, его сын, о котором пишет в стихотворении *Арбатское вдохновение, или воспоминания о детстве*:

Что мне сказать? Я только лишь пророс.
Еще далече до военных гроз.
Еще загадкой манит подворотня.
Еще я жизнь сверяю по двору,
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.

Еще он, правда, тоже хил и слаб,
но он страдалец, а не гордый раб,
небезопасен и небезоружен...
А глина ведь не вечный матерьял,
и то, что я когда-то потерял,
он в воздухе арбатском обнаружил.

(1980)

В стихах видно, что именно в молодежи Окуджава находит «связь времён», обнаруживая что-то новое, способное не только противостоять грубости, но и победить. Из-за этой надежды Окуджава возвращается к Арбату и связывает свою судьбу с его судьбой, свое существование с его существованием в стихотворении *Надпись на камне*:

Пускай моя любовь, как мир, стара, --
лишь ей одной служил и доверялся.
Я -- дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство.

За праведность и преданность двору
пожалован я кровью голубою.
Когда его не станет, я умру,
пока он есть -- я властен над судьбою.

(1982)

5. Главные мотивы в московском тексте

5.1. Мотив дома

Одна из ключевых тем в творчестве Окуджавы - тема родины. Она находит в его песнях-стихотворениях многостороннее поэтическое воплощение. Малая родина для поэта – Москва, а в более узком смысле – это Арбат, его родной дом и этим самым центр духовной географии барда (Бунтаева 2010). Именно из-за этого мотив дома появляется во многих его песнях-стихотворениях, таких как, например, «Арбатское вдохновение», «На арбатском дворе...», «Арбатский романс», даже в целом цикле под названием «Музыка арбатского двора». Свое понятие дома и родины Окуджава разъяснил в одном интервью: «Моя родина – это Арбат... Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем. Потом меня стали возить в Грузию, на родину отца и матери. Так параллельно с арбатской появилась грузинская линия, возник какой-то второй поток во мне. И все же я оставался москвичом...» (Окуджава в: Крылов 2013). Из его слов ясно, что Арбат является неотъемлемой частью его детства, жизни, а этим самым его идентитета, личного и художественного. Именно потому поэт мотиву дома, т.е. Арбату добавляет эпитеты святой, любимый, дорогой и тому подобное.

5.2. Мотив движения

Когда мы говорим о мотиве движения, интересно заметить, что этот мотив можно найти уже в ранних песнях-стихотворениях Окуджавы, как например «Полночный троллейбус» (1957), «Часовые любви» (1958), «Весёлый барабанщик» (1957) и др. (Зайцев 2017).

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчонком стучала в виске,
стихает,
стихает.

В этой песне-стихотворении троллейбус, символ Москвы, описывается как будто он лодка, которая "плывёт по Москве", причём Москва сравнивается с рекой. Именно этот мотив реки можно найти в других стихотворениях Окуджавы, таких как, например, в стихотворении «Песенка об Арбате» («Ты течешь как река...») или «В день рождения подарок» («Мы плывем ночной Москвою...»). Символ реки в мировой и русской поэзии широко использован как выражение многих архетипических культурных парадигм, какими являются, например, рождение, смерть, свобода, любовь, слово, песня и другие³. В поэзии Окуджавы этот мотив реки символизирует постоянное движение, т.е. течение жизни, но одновременно и возвращение к истокам, очищение и спасение души. Из-за этого можно сказать, что этот мотив включает в себя много нюансов значения и в нём «сливается, сопрягается обыденное, земное и романтическое, устремленное ввысь и вдаль, небесное и морское» (там же).

Кроме реки, с мотивом движения связан еще один из определяющих мотивов в творчестве Окуджавы - мотив дороги. В стихотворениях этот мотив реализуется в трёх планах: дорога как символ расставания с родным домом, дорога как символ движения по бесконечным дорогам войны и дорога как символ жизненного пути, в котором сегодняшняя житейская реальность сплетается и сливается с вечным, бытийным, космическим (там же). Каждый из тех планов проанализируем в следующей главе.

5.3. Мотив дороги

Мотив дороги, связанный с темой изгнанничества, часто является в творчестве Окуджавы, причем не только в поэзии. Обратимся, например, к роману *Путешествие дилетантов*, где уже само заглавие указывает на присутствующий в произведении мотив дороги, а главный герой князь Сергей Мятлев является типичным романтическим героем, противопоставляющим себя обществу и поэтому осужденным на изгнанничество. Такой мотив дороги, как символ изгнанничества и разлуки с родным домом, можно найти во многих стихотворениях об Арбате, которые исполнены

³ О разных значениях символа реки см. в *Краткой энциклопедии символов*. Доступ: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Река>

противоположными эмоциям – любовью к Арбату и грустью из-за переселения. Одним из ярких примеров является следующая песня-стихотворение:

Арбат беру с собою — без него я ни на шаг, —
Смоленскую на плечи я набрасываю,
и Пресню беру, но не так, чтобы так,
а Красную, Красную, Красную

Мы въезжаем, мы въезжаем — неспроста и не вдруг —
по асфальтовой дорожке неминуемой
в заколдованный круг из рук и разлук,
с сотворенья Москвы именуемый.

(1957)

В этих стихотворениях поэт вместо багажа «берёт» с собой Арбат и остальные знаменитые места в Москве, т.е. он берёт с собой свои эмоции, впечатления и воспоминания, которые связывают его с этими местами. Эпитеты, которые приписываются мотиву дороги, подчеркивают «отчаяние» и бремя на души поэта. Именно из-за этого во многих стихотворениях дорога приобретает негативные черты, описывается как что-то неумолимое, неизбежное, жестокое, что отводит людей из их дома:

Дорога начиналась от порога.
Из жактовской лиловой тесноты
текла она, высокая дорога,
с которою мы не были на «ты».

(1959)

В этих стихах возникает уже упомянутый мотив движения, а река течет только в одном направлении, никогда обратно, и поэтому получается впечатление, что разлука с домом окончательна и неоспорима. Это впечатление в то же самом стихотворении дополняют мотивы чемодана («но чемодана щелкнет вдруг латунь») и билета («и упадет билет в твою ладонь»). Выбор слов *вдруг* и *упадает* ясно показывает, что речь идёт о нежелательной и тяжёлой разлуке.

Когда мы говорим о мотиве дороги как символа движения по бесконечным дорогам войны, надо подчеркнуть, что война часто является лейтмотивом во многих стихотворениях Окуджавы. Сам Окуджава противился выделению войны в качестве темы своего поэтического мира, утверждая, что все его стихи и песни – не столько о войне, сколько против неё. Он в одном интервью объяснил связь между войной, своей жизнью и своим творчеством: «Грустью и иронией, т. е. моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей, но вместе с тем научился великому чувству прощения и понимания. Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко».⁴ Хотя войну действительно испытал на собственной шкуре и пережил, он заметно избегает батальных сцен, т.е. там нет описания боя, пролитой крови и гибели. Его военные сюжеты посвящены, прежде всего, теме разлуки, расставания, ухода или тяжелого чувства потери после войны. Именно поэтому в стихотворениях с такими темами часто является мотив дороги, как, например, в *Письмах*:

Дороги непогодой размыты,
и сапоги раскисли от воды.
Труды командировочного быта —
какие это тяжкие труды!
Мы отправляем письма нашим милым,
но даже письма пахнут октябрём,
и авторучек синие чернила
как будто перемешаны с дождем.

(1956)

В этих стихах мотив дороги дополняется мотивом осенней погоды. Дождь идёт постоянно и мочить сапоги солдат, которым надо ходить без остановки. Природа и погода на самом деле отражают тяжелое и грустное душевное состояние солдат и их дорогих, с которыми они расстались. Эту связь эмоций, настроения и погоды подтверждают стихи, в которых поэт пишет, что чернила авторучек «как будто перемешаны с дождем», т.е. со слезами. Таким образом Окуджава показал солдата не

⁴ Часть интервью загружена из сайта, посвященного жизни и творчеству Булата Окуджавы:
<http://www.bokudjava.ru/index.html>

только как победителя и героя, но и как человека со своими переживаниями, эмоциями, ощущениями. Короче говоря, он его гуманизировал. Он придал советскому солдату в своих стихотворениях человеческие характеристики, вместо идеальных коммунистических характеристик, и таким образом сделал его близким обычному человеку. В своей известной песне Окуджава войну даже одухотворяет, обращается прямо к ней и придает ей эпитет «подлая»:

Ах война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб -- разлуки и дым.

(1958)

Контрастируя свадьбы как самые счастливые события в человеческой жизни и разлуки как истоки боли и грусти, поэт подчеркивает разрушительную мощь войны и её влияние на жизни людей.

Последний аспект употребления мотива дороги, о котором мы здесь говорим, - это дорога как символ жизненного пути, в котором сегодняшняя житейская реальность сплетается и сливается с вечным, бытийным, космическим. Такое перемещение реального и нереального, вымышленного, поэтического мира является особенностью песенного творчества Окуджавы в целом. С мотивом дороги связано «нравственно-философское осмысление жизни», т.е. размышления о самых основах бытия. (Зайцев 2017) Так поэт в своих стихотворениях косвенно задает очень трудные вопросы: Какая моя жизненная дорога и какой смысл моей жизни? Возможными ответами на заданные вопросы являются абстрактные мотивы надежды, любви и судьбы, как, например, в стихотворении *По Смоленской дороге*:

По Смоленской дороге -- леса, леса, леса.
По Смоленской дороге -- столбы, столбы, столбы.
Над дорогой Смоленскою, как твои глаза, --
две вечерних звезды голубых моих судьбы.

(1960)

В этих стихах мотив дороги приобретает двойственное значение: с одной стороны, это реальная, физическая дорога, которая ведёт через лес, а с другой стороны – это дорога

жизни, чье направление определяет сама судьба. Эти дороги проходят через два совсем противоположных мира, и поэтому одной дороге приписываются земные мотивы, т.е. мотивы природы (леса, столбы), а другой – мотив звёзд, которые в литературе часто обозначают что-то потустороннее, идеальное, мистическое (или божественное), или являются символом наших желаний и стремлений. Такую двойственную природу мотива дороги мы найдём и в песни *Дорожная песня*, где сопоставляются два лейтмотива поэтического творчества Окуджавы - любовь и разлука:

То берег -- то море, то солнце -- то вьюга,
то ангелы -- то воронье...
Две вечных дороги -- любовь и разлука --
проходят сквозь сердце мое.

(1982)

Анализируя эти стихи, мы можем сделать вывод, что все они построены на принципе контраста и таким образом производят сильное впечатление на читателя/слушателя и обращают его от дневной мелочной суеты к размышлениям о духовных ценностях и высшем смысле бытия.

Можно заключить, что с помощью частых мотивов дома, движения и дороги в «московских текстах», поэт образует живую, целостную, движущуюся художественную систему, сердцем которого является Арбат, который мы проанализируем в следующих главах.

6. Сердце Москвы - Арбат

6.1. Арбат в политическом и культурном контексте периода оттепели

Несмотря на то, что Окуджава на Арбате жил только четыре года, он стал важнейшей частью его личной и творческой биографии (Ларин 2007). В рамках доминирующих политических и общественных ценностей, господствующих в круге так называемых «шестидесятников», Арбат представлял собой идеальную метафору. Как и

большинство «шестидесятников», Окуджаву выступал за умеренные демократические реформы в рамках существующей политики и идеологии: в этом контексте метафора Арбата давала большие возможности поэтического выражения разных тем, вроде любви, детства и времени, которые волновали Окуджаву и которые не вызывали серьезных проблем по отношению к советской власти (Bittner 2008). Наверно из-за того, что в своих произведениях никогда непосредственно не критиковал существующую политическую систему Советского Союза во время позднего социализма (свою критику бард прежде всего выражал косвенным путем), Окуджаву никогда не считали угрозой, врагом государства и власти.

В произведениях Окуджавы Арбат стал одним из самых популярных символов культуры оттепели. Именно Арбат представлял собой любимый топос тогдашней русской интеллигенции. Это было связано с двумя причинами. 1) У Арбата есть богатая культурная история: на московской улице когда-то жили многие выдающиеся культурные деятели, писатели и художники (на которых Окуджаву нередко указывает в своих произведениях). 2) Арбатское географическое положение (недалеко от центра советской политической мощи, Кремля) помогало его культурной символизации в рамках «вненаходимости» (А. Юрчак), которую предпочитали молодые интеллигенты того времени.

Как писал Морис Хальбакс в своем тексте *Социальные рамки памяти* (1925), память невозможно считать исключительно индивидуальным явлением, потому что она определяется обществом, т.е. она является прежде всего социальным конструктом (Хальбакс 2007). Принимая этот тезис о социальных рамках памяти, слушательская рецепция Арбата Окуджавы рассчитывает не только на поэтику барда, но и на коллективную память слушателей. В связи с тем Окуджаву создал неологизм арбатство, который объединяет слова Арбат и братство (Bittner 2008). Именно братство, дружба, близкие дружеские отношения и взаимопомощь отражают суть Арбата, связывают людей с местом. Этот мир является миром простого советского человека, миром детства, воспоминаний и эмоций. Такую «оттепель души и сердца», которую символизирует Арбат, мы находим в разных произведениях «шестидесятников», к которым следует причислить и Окуджаву. В своей статье *Об искренности в литературе*, которая в многом определила «дух эпохи» периода после смерти Сталина, Владимир Померанцев пишет о том, что «искренность должна быть первой меры оценки» художественного произведения и что она «отличает автора книги и пьесы от

составителя книги и пьесы» (Померанцев 1953: 18). По нашему мнению, именно умение быть искренним является одной из самых важных причин большой популярности стихов Окуджавы.

6.2. Арбат как духовный образ

Как пишет Кнабе, «Арбат Окуджавы — лишь в самой ограниченной мере отражает топографическую и биографическую реальность; как факт поэтического творчества и культурного самосознания, он представляет собой духовный образ. Этот образ возникает из переживания прошлого; его первоисточник — память» (Кнабе 2006). Можно сказать, что творчество Окуджавы живёт памятью, причем личная память и культурно-историческая память взаимодействуют (там же). Это значит, что память-реальность вмещается в память-воображение и в память-творчество. Здесь интересно заметить, что Арбат и двор в художественном сознании поэта приобретали противоположные черты: «Помню детство, наш арбатский двор — чудовищный, страшный. В нем столько было всякой мерзости — жулики, уголовники, проститутки. Грязь, матерщина», в то время как в стихах Окуджава написал:

(...) А годы проходят, как песни.

Иначе на мир я гляжу.

Во дворике этом мне тесно,
и я из него ухожу.

Ни почестей и ни богатства
для дальних дорог не прошу,
но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу.

(1959)

Это можно объяснить тем, что память по самой своей природе неотделима от времени; память актуализирует прошлое, то есть, то, что уже не существует в действительности. Похожим образом эту связь между памятью барда и так называемой «объективной» реальностью объясняет и Кнабе: «Арбат для Б. О., действительно, 'родная улица', известная во всех деталях. Но, как сразу же выясняется (или, скорее, подтверждается),

мир памяти, как и мир культуры, соткан из другой материи, нежели эмпирическая реальность» (Кнабе 2006). Другими словами, Арбат не является только местом жительства или улицей, но соединяет всё, что автор любит и уважает. Из-за этого Арбат можно понять как своеобразный символ-мост, который в сознании поэта соединяет прошлое и настоящее, т. е. его детство и взрослую жизнь.

6.3. Арбат как малая родина

Для Окуджавы Арбат является «малой родиной». Именно концептуализация разных эмоций в рамках концепта «малой родины» является типичной в периоде позднего социализма. Однако нужно сказать, что воспевание большой и «малой родины» имеет глубокие традиции в разных поэтических формах и не является «изобретением» культуры оттепели (Фуад 2008). В творчестве Окуджавы идея «малой родины» позволила автору высказать патриотические чувства, но также и критику советской системы сталинского периода, когда идея об общественной, политической и культурной силе советской Родины выражалась с помощью ряда гипербол, которые символически подчеркивали могущество советской власти. По мнению Окуджавы, родина и государство – два совсем отдельных понятий. Только родину можно любить, и поэтому он пишет: «Я настороженно отношусь к патриотической идеологии, потому что у нас не умеют отделять Родину от государства. Любить государство невозможно — ему надо платить налоги, оно должно вас защищать, и только. А о любви к Родине говорить неприлично, человек её любит, если не может без неё жить, а если он разглагольствует о своей любви — это подозрительно» (Окуджава в: Крылов 2013). Тема Арбата как «малой родины» развивается одновременно с темой «большой родины», а стихи о «большой родине» иногда в творчестве Окуджавы являются откровенно ироническими:

Держава! Родина! Страна! Отечество и государство!
Не это в душах мы лелеем и в гроб с собою унесём,
а нежный взгляд, а поцелуй — любви сладкое коварство,
Кривоарбатский переулок и тихий трёп о том, о сём.

(1992)

Именно Арбат, «малая родина», является «центральным хронотопом в поэтической системе Б. Окуджавы и доминантной точкой топоса Москвы» (Бутаева 2010). Окуджава подробно описывает свой любимый район, все его скрытые уголки и все тайны, которые он хранить. Таким образом, понятие родины сужается: Россия, Москва, Арбат, арбатский двор, дом и в конце скамейка (там же).

В своих публичных выступлениях Окуджава подчеркивал, что любовь к родине одновременно не значит ненависть к врагу, и поэтому пишет: «Нас, молодёжь, на самом деле не воспитывали на любви к Родине, это все слова... Нас воспитывали на ненависти к врагу. Я говорю, что есть патриотизм, воспитанный на любви к Родине, а есть — на ненависти ко всему чужому. И очень важно уметь это различать, ведь второе очень опасно» (Окуджава в: Крылов 2013). В лирической системе поэта центральный хронотоп Москвы, Арбат, «символизирует мир, добро, человечность, культуру, историческую память - все это противостоит войне, жестокости и насилию» (Бутаева 2010). Поэт часто использует местоимения, которые отражают отношение к Арбату как к своему пространству: мой, свой, наш. Арбат для Окуджавы – место самых ценных воспоминаний и символ ушедшей юности, а также своего рода потерянный рай (там же). Об этом Окуджава пишет в своем стихотворении *Песенка об Арбате*, которое строится на приемах градации и контраста. Лирический герой перечисляет всё, что для него представляет Арбат, но эти понятия иногда являются совсем противоположными, как, например, радость и беда или отечество и религия:

Ты течешь, как река. Странное название!

И прозрачен асфальт, как в реке вода.

Ах, Арбат, мой Арбат,

ты – мое призвание.

Ты – и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои – люди невеликие,

каблуками стучат – по делам спешат.

Ах, Арбат, мой Арбат,

ты – моя религия,

мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,

сорок тысяч других мостовых любя.

Ах, Арбат, мой Арбат,

ты – мое отечество,

никогда до конца не пройти тебя.

(1959)

Особенно значительным является конец стихотворения, т.е. стих «никогда до конца не пройти тебя», потому что для Окуджавы Арбат изображается как река, т.е. можно сказать, что для Окуджавы – Арбат является своеобразной рекой жизни, в которой скрываются самые важные человеческие ценности и смысл существования. Это значит, что автор всегда будет любить и помнить Арбат, хотя его ценности он, по собственному ощущению, потерял. Об этом писал и Кнабе, который считает, что «Развеяны все мифы. Кончилась солидарность. Солидарность круга, век интеллигентов, 'подзвученный гитарой', теплота, источаемая камнями арбатского двора и арбатством, которое в туманном будущем должно будет нас собрать и согреть» (Кнабе 2006). Это значит, что реальных впечатлений, всего пережитого больше нет; они превратились в миф, в воспоминания, в память.

6.4. Семантическая структура понятия Арбат

Арбат Окуджавы — это «культурный феномен, концепт, понятие известное каждому представителю русской культуры, вместе с тем семантическая структура этого понятия очень сложная» (Фуад 2008). С Арбатом часто связаны абстрактные существительные, как, например, надежда, любовь, вера, удача, жизнь, душа, музыка, судьба. Можно сказать, что это – «ключевые слова-символы Окуджавы» (там же). Эти символы связаны с темой «маленького человека», а природа Арбата – двойственна: это символ детства и начала будущего, но и полного умирания, которое приближается (Бутаева 2010). При этом надо подчеркнуть, что в поэтическом творчестве Окуджавы проходит лейтмотивом тема дружбы как спасительного средства от гонений и зла окружающего мира (Фуад 2008). Именно эта тема в позднем периоде творчества трансформируется в тему Арбата как места, населенного близкими, родными людьми. Первая любовь, память о друзьях и родных, детство — все это связано со значением Арбата.

Семантика Арбата с течением времени чуть изменилась из-за разлуки с родным местом, которую автор глубоко переживает; в песне-стихотворении *Плач по Арбату*

описывается разрушение Арбата, когда прежние его жители, рабочие и служащие, были переселены из центра на окраины столицы. Одним из них был и Окуджава. На их место пришло привилегированное чиновничество, которое таким образом навсегда отгородилось от «простых смертных» (Бутаева 2010). Окуджава об этом пишет в своих стихах в песне *Плач по Арбату*:

Там те же тротуары, деревья и дворы,
но речи несердечны и холодны пиры.
Там так же полыхают густые краски зим,
но ходят оккупанты в мой зоомагазин.

(1982)

В этих стихах видно, что для поэта Арбат больше не такой, каким он был, но он остаётся предметом его желания, надежды и воспоминания.

6.5. Эстетическая природа авторской песни и концепт Арбата

Каким образом Окуджава вызывает прошлое в памяти слушателей и создаёт миф об Арбате? Прежде всего, он использует весь спектр средств устного общения — слова, музыкальную интонацию, темп голоса, артикуляцию, мимику, жест и т. п. Его отношение к публике особое, доверительное, его характеризует личностное начало, исповедальность и искренность. Интересно заметить, что авторская песня часто пользуется импровизацией. В. Фрумкин подчеркивает сходство авторской песни с народной песней, потому что в зависимости от желания и настроения поэт меняет слова, мелодию, темп, рифм, аккомпанемент, а самым этим и характер песни в целом. (Фрумкин в: Lugarić Vukas, 2011: 76).

Окуджава актуализировал в своих песнях, опирающихся на традиции городского романса, сентиментальное мировосприятие, «старинные» чувства, и поэтому его стихи часто принимаются как романтические. В авторской песне бард говорит и поёт не о «простых людях», а от имени «простых людей», как подчеркивали разные критики творчества Окуджавы, то есть, он смотрит на мир их глазами и говорит их голосом. Кнабе пишет: «Каждый человек, сколько-нибудь знакомый с творчеством Б. О., не усомнится в том, что его стихия — повседневность, современная или прошлая, в отличие от соцреалистически приподнятой над жизнью стихии предыдущих десятилетий» (Кнабе 2006). Авторская песня исполнялась в малых группах людей,

которые были между собой знакомы и близки, и поэтому она является не столько художественным, эстетическим, сколько социо-культурным явлением. Как пишет Лугарич Вукас, из закрытых, частных комнат авторская песня медленно переселилась на общественное пространство – улицы, парки, гостиницы, детские сады и т. п. Там люди пели и слушали песни Окуджавы и так становились частью популярной и бытовой культуры (Lugarić Vukas 2011: 70).

Публике нравились песни Окуджавы особенно потому, что его лирический герой всегда несёт в себе светлый, оптимистический взгляд на мир. Это можно заметить и в его стихотворении *Чаепитие на Арбате*, которое показывает, что счастье и покой в жизни можно найти в совсем простых вещах, как, например, в разговоре, в тёплых семейных и дружеских отношениях, даже в чашечке чая:

Мы не будем наши раны
пересчитывать опять.
Просто будем, как ни странно,
улыбаться и молчать.

Я клянусь вам, друг мой давний,
не случайны с древних лет
эти чашки, эти ставни,
полумрак и старый плед,

и счастливый час покоя,
и заварки колдовство,
и завидное такое
мирной ночи торжество;

разговор, текущий скупом,
и как будто даже скука,
но... не скука – естество.

(1975)

Темп песен соответствует средним темпам нормальной речи, а громкость и динамика также не превышают привычных для нашего слуха характеристик спокойного разговора. Вместе с тем Окуджава использует существительные, как

например, надежда, любовь, вера, удача, жизнь, душа, музыка, судьба, которые у слушателей вызывают особые чувства и воспоминания. Так создавалась особая атмосфера, связанная, прежде всего, с идеей человечности. Суть этой идеи человечности заключается в правах человека на индивидуальность, свободу, счастье и развитие, к чему политики того времени относились настороженно. Идея человечества в творчестве Окуджавы призывает к построению более гуманного общества, а источник этой идеи – сострадание отдельному, маленькому человеку, чтобы помочь ему изжить грусть и одиночество. Именно одиночество является большой проблемой современного мира, а преодолеть одиночество, по мнению Окуджавы, возможно только с помощью идеалов и надежд, которые живут внутри нас. Все эти положительные и спасительные ценности он находит в им созданном топосе Арбата.

7. Заключение

Размышляя о поэтике пространства в лирике Булата Шалвовича Окуджавы, мы видим, что поэтический образ Москвы и Арбата (как сердца Москвы) занимает центральное место в поэтическом мире автора. Невозможно представить себе Окуджаву без его любимой Москвы. Поэтика пространства в песнях-стихотворениях Окуджавы строится на принципе контраста двух миров – «своего» (это топос дома, мир арбатского двора, в более широком смысле – Москва) и «чужого» (пространство дороги, разлуки, войны).

Окуджава пытается сохранить суть Арбата и Москвы там, где она единственно может быть сохранена – не в реальной жизни, а в памяти и в мифе. На самом деле миф не только объясняет существующее, но и создаёт новую реальность. Таким образом, Окуджава превращает биографическую и топографическую реальность Арбата в сказочное место человечности, дружбы, надежды и любви, т.е. место, где живет его душа. Именно поэтому тема возвращения и обращения к Арбату становится для поэта постоянной.

С другой стороны, в его песнях-стихотворениях часто появляется мотив дороги, которая в большинстве случаев имеет синонимичное значение с мотивами разлуки, потери, войны и т. п. Пространство дороги связано с началом пути и его окончанием, и поэтому в песнях часть можно найти мотивы порога, начала пути и конца пути. Лирический герой Окуджавы постоянно путешествует по этой дороге, чтобы познать себя и понять окружающий мир; он вечный путник, прохожий.

Анализируя поэтику пространства в творчестве Окуджавы, можно заключить, что топос выражается с помощью лексем с пространственной семантикой и семантикой движения (Бутаева 2011). Кроме того, надо подчеркнуть, что пространство Москвы, как правило, изображается с помощью метафор, семантически связанных с водой. Именно поэтика пространства внесла вклад в изображение богатого художественного мира, в создании которого Окуджава следует классическим образцам, но одновременно он их творчески перерабатывает. Этот мир находит своё воплощение в постоянном диалоге поэта с его слушателями и читателями, чтобы помочь им «в любой ситуации всегда оставаться человеком».

8. Список литературы

- Бутаева, З. А. (2010) *Arbat как центральный хронотоп в поэтической системе Булата Окуджавы*. В: *Теория и практика общественного развития*. Но. 4. Стр. 302-305.
<http://cyberleninka.ru/article/n/arbat-kak-tsentralnyy-hronotop-v-poeticheskoy-sisteme-b-okudzhavy> (26. 06. 2015.).
- Бутаева, З. А. (2011) *Художественное своеобразие ранней лирики Б.Ш. Окуджавы*.
<http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-svoeobrazie-rannei-liriki-bsh-okudzhavy> (05.01.2017.)
- Гинзбург, Л. (1974) *О лирике*. Ленинград: Советский писатель. Стр. 127-172.
http://www.belousenko.com/books/litera/ginzburg_o_lirike.html (12.03.2018)
- Зайцев, В.А. (2017) *Музыка арбатского двора (Поэтический мир Булата Окуджавы)*.
<http://md-eksperiment.org/post/20170412-muzyka-arbatskogo-dvora-poeticheskij-mir-bulata-okudzhavy> (05.01.2017)
- Козлова, А. Г., Лисова Д. Э. (2015) *Образ женщины в поэзии Булата Окуджавы*. В: *Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды*. Но. 22, стр. 54-57.
- Кнабе, Г. (2006) *Булат Окуджава и культурно-историческая мифология. От шестидесятых к девяностым*.
<http://magazines.russ.ru/voplit/2006/5/kn9.html> (26. 06. 2015.).
- Крылов, А. (2013) *Окуджава о родине и патриотизме*.
<http://ae-krylov.livejournal.com/63933.html> (27. 06. 2015.).
- Коровина, В. Я. (2015) *Тема Москвы в лирике Б. Ш. Окуджавы*.
<http://www.microarticles.ru/article/Tema-moskvi-v-lirike-Bshokydzhavi.html> (20.12.2017.)
- Ларин, И. (2007) *Булатные сроки века*.
<http://magazines.russ.ru/bereg/2007/16/la27.html> (25.06.2015.).
- Ничипоров И.Б. (2002) *Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы*. В: *Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. ГКЦМ В.С.Высоцкого Москва*. Стр. 68-80. <http://www.portal-slovo.ru/philology/37231.php> (5.1.2018.)
- Окуджава, Б. (2007) *Арбатский дворик*. Москва: Зебра Е. Стр. 11-701.
- Померанцев, В. (1953) *Об искренности в литературе*. В: *Новый мир*. Но.12. Стр. 17-59.

Роднянская И. Б. (1981) *Лирический герой*. В: *Советская Энциклопедия*. Москва: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Стр. 258-262.

<http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-2581.htm> (20.02.2018)

Фуад, А. Н. (2008) *Обращение-концепт "Арбат, мой Арбат" в поэтическом творчестве Б. Ш. Окуджавы*. В: *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. Но. 65, Стр. 11-14.

<http://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kontsept-arbat-moy-arbat-v-poeticheskom-tvorchestve-b-sh-okudzhavy> (25. 06. 2015.).

Хальбвакс, М. 2007. *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издательство.

Bittner, S. V. (2008) *The Many Lives of Khrushchev's Thaw; Experience and Memory in Moscow's Arbat*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Lugarić Vukas, D. (2011) *Ruski bardī. Popularno u poeziji Bulata Okudžave i Vladimira Vysockog*. Zagreb: Naklada Ljevak.

Sažetak

Bulat Okudžava, utemeljitelj žanra ruske kantautorske poezije, bez sumnje je jedan od najpoznatijih pjesnika razdoblja kasnog sovjetskog socijalizma. Analizirajući poetiku prostora u njegovoj lirici, možemo zaključiti da Moskva i njezino srce Arbat čine središte Okudžavine lirike. Poetika prostora u Okudžavinim pjesmama gradi se na principu kontrasta dva svijeta – svoga (prostor doma, Arbata, u širem smislu Moskva) i tuđeg (prostor ceste i s njim povezani motivi rastanka, rata). Možemo reći da Okudžava pretvara topografski i autobiografski materijal u bajkovito mjesto čovječnosti, prijateljstva, nade i ljubavi, tj. mjesto gdje živi njegova duša. Taj jedinstveni pjesnički svijet ostvaruje se pomoću leksema s prostornom semantikom i semantikom kretanja, kao što je npr. „vodena narav“ same Moskve. Taj prostor je posebno dočaran osobitim načinom izvođenja stihova na pozornici i privukao je brojne slušatelje, aktualizirajući zaboravljeno djetinjstvo, osjećaje i uspomene.

Ključne riječi

Bulat Okudžava, prostorna poetika, gradski topos, Moskva, Arbat, autorska pjesma

Ключевые слова

Булат Окуджава, поэтика пространства, городской топос, Москва, Арбат, авторская песня

Biografija

Sonja Knežević rođena je u Zagrebu 28. studenog 1992. godine. Nakon završene Osnovne škole „Matija Gubec“ 2007. godine upisuje IV. gimnaziju u Zagrebu. Godine 2011. upisuje studij Ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, a godine 2013. studij Pedagogije na istom fakultetu.